

25 мая 1996 года исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося деятеля театра, народного артиста СССР, профессора, доктора искусствоведения Бориса Евгеньевича Захавы (1896—1976).

Всю свою жизнь Борис Захава посвятил тому делу, которое носит имя Евгения Вахтангова, он — один из самых верных учеников великого режиссера, один из тех, кто сберег Вахтанговскую студию после смерти учителя... На сцене родного театра Б. Е. Захавы сыграл более 30 ролей, поставил 24 спектакля...

Более 50 лет он руководил Театральным училищем имени Щукина при Вахтанговском театре и в этом качестве воспитал несколько поколений актеров, многие из которых составляют славу и гордость нашего театра...

Итог жизни Бориса Евгеньевича Захавы чрезвычайно значителен. Артист, режиссер, теоретик, педагог, организатор, он всегда был строителем Дома, хранителем Очага...

В кино Борис Евгеньевич снимался всего дважды — в 1935 году он участвовал в так и не вышедшем на экраны фильме Сергея Эйзенштейна «Бежин луг», а в 60-е годы сыграл фельдмаршала Кутузова в киноэпопее Сергея Бондарчука «Война и мир».

10 лет назад Сергей Федорович Бондарчук написал статью, посвященную работе с Борисом Захавой. Тогда она не была опубликована. Сегодня «Век» предлагает ее вниманию читателей.

На съемках «Войны и мира»: С. Бондарчук и Б. Захава

Его называли «Товарищ Кутузов»

Борис Захава смог сразу прыгнуть на 16-й этаж

Сергей БОНДАРЧУК

«Война и мир». Начало работы над фильмом. Поиск актеров, пробы... Самое сложное — образ Кутузова. Ведь он не просто герой, а великий полководец и великий дипломат. Он олицетворял собой государственную мудрость эпохи, века, русского народа.

У Толстого есть такие слова: «В ком нет простоты и правды, в том нет и величия». Эта мысль очень много значила для меня в работе над фильмом, особенно при противопоставлении образа Кутузова образу Наполеона. Они, эти образы, должны были как бы проверяться этой мыслью. В Наполеоне не было подлинного величия, потому что не было ни простоты, ни правды. В Кутузове именно эти качества определяли его мировоззрение, его способ ведения войны.

Для этой роли нельзя было искать просто исполнителя. Здесь нужен был художник, имеющий не только творческое, но прежде всего человеческое, гражданское право говорить и действовать от имени Кутузова. Нужен был актер-личность, в котором простота, правда и величие сочетались бы в гармоничном единстве.

Таким художником был для меня Борис Евгеньевич Захава. Его образ мыслей, его удивительно чистая жизнь в искусстве, его глубочайшая честность по отношению к себе, к людям, его окружавшим, к работе и весь его внешний облик, облик мыслителя — высокий лоб, глаза, полные глубокой мудрости, — все это было близко Кутузову. И я решил просить Бориса Евгеньевича сыграть эту роль.

Он откликнулся охотно и радостно. В то время он мог бы еще быть в театре, ставить и играть, но он отказался от всего: от суеты, от желания славы — посвятил себя только педагогике и создал лучшую в Союзе школу театрального искусства, воспитал целую армию режиссеров и актеров. Это был кутузовский поступок. В нем была та «высшая разумность», о которой говорил Кутузов в своих знаменитых словах о «терпении и времени».

Мы начали работу. Была ли она трудной? Только в самом начале. Я помню нашу первую съемку. Это была очень сложная технически сцена, которая снималась с

движения» — прощание Кутузова с Багратионом. Необходимо было создать атмосферу — масса народа, армия, пушки, грязь. В театре для такой сцены надо было бы расчистить все вокруг, чтобы выделить главное — общение этих двух людей. Здесь же необходима была подлинная среда. Интимную сцену надо было играть в самом бурном окружении.

И вот в такой суматохе мы должны были как-то пристроиться друг к другу. О том, чтобы не снять в тот день этот эпизод, не могло быть и речи. А я почувствовал, что вся самостоятельная актерская работа Бориса Евгеньевича, все его предварительные представления об этом эпизоде не ложатся на то, что происходило у нас.

Условия съемочной площадки требовали иных, чем на сцене, приемов актерской игры. Здесь не было зрительного зала, того двадцатого ряда, на который ориентируется театральный актер. При приближенной камере необходима скупость, сдержанность внешних выразительных средств.

К тому же на первой съемке надо было сразу сыграть «результат», сразу «прыгнуть на шестнадцатый этаж». Это нарушало привычный для актера театра процесс постепенного вживания в роль, это всегда насиле над природой актерского творчества. Но такова специфика нашего искусства, и овладение ею иногда происходит очень трудно.

Я видел, что Борис Евгеньевич растерялся, и сам пришел в отчаяние. Мы сделали перерыв, чтобы договориться, попытаться понять друг друга. И Борис Евгеньевич без всякой обиды, с чувством огромного желания выполнить наши требования стал перестраиваться, стремясь понять, что же нужно для того, чтобы сыграть эту сцену в условиях кинематографа.

Я показал Борису Евгеньевичу отснятый материал, и он быстро понял, в каком направлении ему надо работать. В дальнейшем я почти не вторгался в то, что он делал. Я просто восхищался им и только старался создавать благоприятные условия для его творчества.

И свершилось чудо — его нельзя уже было отделить от Кутузова. Произошло полное слияние актера и образа. Нельзя было сказать, что он играет, изображает. Он был Кутузовым. Он мог действовать в этом образе в любых

предлагаемых обстоятельствах.

Во время экспедиции мы жили рядом в офицерских домиках. Мы видели, как он всегда рано вставал, часов в 6—7 утра, проделывал какой-то собственный комплекс гимнастических упражнений, обливался холодной водой и растирался. Все это было так красиво, что мы им любовались. Я сначала думал, что он готовил себя к роли, но потом убедился, что это его обычный образ жизни.

Затем ему подавали лошадей, и он уезжал в манеж. В его прямой спине, которой он нас всех поразил, когда мы впервые увидели его сидящим на лошади, во всем его поставе было что-то от человека, некогда окончившего кадетский корпус. Он сидел на лошади, как влитой, так естественно, как будто это было для него постоянным, привычным делом.

То обстоятельство, что человеческие черты Бориса Евгеньевича были так близки Кутузову, делало его предельно убедительным. В нем не было ничего актерского. Вячеслав Тихонов, игравший князя Андрея, говорил мне, что в сценах с Борисом Евгеньевичем у него была полная вера в то, что он приходит к настоящему Кутузову. И все актеры именно так его воспринимали. Помню, что во время съемки совета в Филях я сам так остро ощущал его Кутузовым, что называл Михаилом Илларионовичем.

Знаменательно, что его сразу приняла армия. Даже без грима и костюма солдаты относились к нему как-то особенно, обращались к нему: «Товарищ Кутузов!» Я часто видел, с каким почтительным уважением беседовали с ним наши советские генералы.

Мне жаль, что в «Войне и мире» я не использовал Бориса Евгеньевича в качестве режиссера. Но я просто очень его щадил. И я верил, что у нас впереди будут совместные работы.

С Борисом Евгеньевичем у меня были связаны две великие мечты. Мы хотели с ним снять «Бориса Годунова» с тем, чтобы он ставил, а я играл Бориса. И вторая мечта — я хотел снять фильм «Жизнь Толстого», написал сценарий и не мог даже представить себе другого актера, который мог бы так подойти к этой роли...

Публикация П. Е. Любимцева